В последнее время общественность Индии встревожена новыми вылазками индийских «ультра» — полуфашистских, религиозно-общинных партий «Джан сангх» и «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС). Это нашло выражение в том, что участились индуско-мусульманские столкновения, лидеры РСС открыто призывают к изгнанию мусульман из Индии, делаются попытки оправдать убийц Махатмы Ганди.

Предлагаемый вниманию читателей отрывок из книги судьи Г. Кхосла, участвовавшего в расследовании дела об убийстве Махатмы Ганди, раскрывает неизвестные до сих пор подробности этого преступления. Становится ясно, что убийство могло быть предотвращено, если бы ответственные за безопасность вождя индийского народа лица проявили требуемую бдительность. Это наводит на мысль, что между частью лидеров страны и общинными партиями существовала связь, аналогию которой можно наблюдать и сегодня в некоторых индийских штатах.

Публикуемый материал помогает разобраться в социальной базе индуско-религиозно-общинного движения. Это важно, поскольку и сегодня РСС, «Джан сангх» и «Хинду махасабха» играют немаловажную роль в политической жизни страны. В индийском парламенте, совместно со «Свантантрой», они являются главной оппозицией.

УБИЙЦЫ МАХАТМЫ ГАНДИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СУДЬИ

Г. КХОСЛА

В КОНЦЕ 1947 года правительство Индии поручило мне дело, которое поначалу представлялось простым, а после пристального ознакомления оказалось сложным и трудным.

Образование Пакистана и раздел Индии привели к массовому переселению жителей из одной страны в другую. Миллионы индусов и сикхов были вынуждены оставить свои дома и страну, где родились они, их отцы и деды, и которая теперь, за одну ночь, стала для них мачехой. Они устремились через границу беспорядочными толпами, используя все доступные средства передвижения, хлынули в города и деревни Индии, как лавины, как наводнение. Они нуждались в жилищах, крове.

Индийские мусульмане также были охвачены паникой и двинулись в Пакистан. Оставленные ими дома тут же занимались беженцами из Пакистана. Поток беженцев был настолько велик, а гнев и ярость, переполнявшие их, настолько сильны, что почти невозможно было навести какой-либо порядок в стране.

В Дели, где жило много мусульман, положение было особенно тяжелым. Иногда казалось, что весь Западный Пенджаб переселился сюда, но жить здесь было негде, домов не хватало.

Правительство Индии назначило старшего чиновника Индийской гражданской службы опекуном оставляемого беженцами имущества. Однако опекун недостаточно хорошо знал и понимал пенджабцев, что вызвало многочисленные жалобы. Дело дошло до парламента, назначили комиссию Верховного суда для расследования дела. Выбор пал на меня...

Последовавшие за этим дни и недели были сплошным кошмаром. Когда я пошел в мусульманские кварталы, чтобы лично ознакомиться с положением дел и проверить опись домов, меня окружили толпы бездомных, требуя разрешения занять покинутые мусульманами дома. «Справедливо ли, — спрашивали они меня, — отказывать нам в прибежище после того, как нас выгнали там из собственных жилищ? Долго ли мы будем валяться на улицах, когда есть пустые дома?»

Если бы я знал наверняка, что мусульмане не вернутся назад!.. Трудно сохранять спокойствие и хладнокровие, слушая этих несчастных, страдающих людей. Меня начали мучить сомнения в справедливости.

Отрывок из книги, опубликованный в журнале «Иллюстрированный цикл о Индии».

восты наших действий. Чтобы рассеять их, я решил посоветоваться с Махатмой Ганди. В те дни он жил в Бирла-хауз на Альбукерк-роуд (ныне Джануари Марг, 30) и каждый вечер устраивал молитвенные собрания. Я позвонил его секретарю, и, хотя Махатма был очень занят, он согласился принять меня на следующий же день в 11 часов утра.

Но тогда меня неожиданно стали одолевать странные мысли, которые могли понять только те, кто знал положение, которое занимал Махатма Ганди в Индии, и влияние, которым он пользовался. Говорили, что он обладает магической силой, которая делала его собеседников послушными и покорными, готовыми соглашаться со всем, что бы он ни говорил, выполнять все, что бы он ни приказал. Лорд Ирвин, видимо, оказался в таком состоянии, когда дал согласие на пакт Ганди — Ирвина в 1937 году. Голодовки Ганди сломали самых сильных его противников. Ходили слухи, что даже твердолобые британские политики и чиновники не хотели встречаться с ним, чтобы под влиянием его таинственного обаяния не отступить от своих принципов. Я поставил сам себя в затруднительное положение, напросившись на аудиенцию, и теперь спрашивал себя, хватит ли у меня духу объяснить Махатме различные аспекты волновавшего меня дела. Однако встреча была назначена, и отступать было поздно. Вместе с тем во мне росло желание увидеться с великим человеком, который сделал для достижения политической независимости Индии больше, чем кто-либо другой.

Итак, на следующее утро я отправился в Бирла-хауз. В передней я спросил у секретаря, на каком языке я должен говорить с Махатмой — на английском или на хинди.

— Конечно, на хинди, — последовал немедленный и категорический ответ. Я чувствовал себя свободней, говоря на английском, но принял неизбежное и начал мысленно составлять предложения, которые могли бы точнее выразить мою мысль. Я слышал, что Ганди не любил, когда его называли Махатма, и спросил секретаря, как лучше обратиться к нему. — Зовите его просто Бапуджи, — ответил он.

Точно в 11 часов меня пригласили, и я поспешил войти. Ганди сидел на ковре, на нем была лишь домотканая набедренная повязка. Хотя он был худой и истощенный (за несколько дней до этого он прекратил голодовку), его кожа имела свежий, здоровый вид, его хорошо намассированные, упругие мускулы оставляли впечатление молодости и силы. Морщинки на лице обозначались только, когда он смеялся. Обыкновенная настольная лампа стояла за ним, ее свет освещал его облысевшую голову и угловатые, узкие плечи. Когда я вошел, он отложил бумагу, на которой что-то писал, и приветствовал меня обычным жестом — сложенными у груди руками. Я сел рядом с ним и начал говорить ему о своем назначении и трудностях, с которыми мне приходится сталкиваться. Это был долгий рассказ, и Бапуджи слушал, не прерывая. И пока я говорил, я почувствовал, что никакой ни таинственной, ни гипнотической силы, под влиянием которой бы я находился, в нем нет. Бапуджи слушал меня, как мог слушать любой другой смертный. Это придавало мне уверенность, хотя теперь я знаю, что защищал ошибочную идею, основанную на ошибочных посылках и эмоциях. Я помню, я говорил: «Мусульмане в лагере в Старом Форте не желают оставаться в этой стране. Они сказали мне, что хотят уехать в Пакистан как можно скорее. Наш собственный народ без жилищ, без крова. Мое сердце разрывается, когда я

вижу их страдания. Скажите мне, Бапуджи, что мне делать?»

Моя тщательно подготовленная речь прозвучала неискренне даже для моих собственных ушей.

«Когда я ходил туда, — ответил он, — они не говорили, что хотят в Пакистан. Они сказали мне, что, если мы не можем оставить их в собственных домах, мы должны отправить их в Афганистан, Иран, в Аравию, куда угодно, но только не в Пакистан. Они тоже наши люди. Вы должны вернуть их назад и защитить».

Он говорил спокойным, сухим тоном, в котором было больше смирения, нежели власти. Но сильнее всего меня поразило то, что он не делал категорических заключений. Он сказал: «Вы должны вернуть их назад и защитить», но он оставлял вопрос открытым. Я упомянул другие факты и другие трудности. Он обратил внимание на слабые места в моей аргументации и придерживался практической проблемы, которую я поставил перед ним.

И по мере того как Махатма говорил, я все больше понимал, что у него лишь одно желание, одна страсть, один источник силы — глубокое, всепоглощающее чувство любви. Он любил в равной степени индусов и мусульман, сикхов и христиан. Он любил англичан, которые правили нами более 150 лет, он любил пакистанцев, которые изгнали миллионы индусов из домов их предков. Он ни разу не произнес слова «любовь», но, когда он взглянул на меня, в его глазах была нежность, а на губах следы улыбки.

Четыре дня спустя я оказался в Симле. Это был туманный и холодный вечер. Мы с женой возвращались из клуба. На обычно многолюдной и шумной улице — главном торговом центре Симлы — стояла странная тишина. Люди собирались по двое, по трое и разговаривали вполголоса. До меня долетели слова «...убить наших вождей», «...совершенно сумасшедший», «чудовищно». Предчувствие беды зародилось в моей душе. Я спросил кого-то, что случилось.

— Махатму Ганди убили.

Я не мог поверить, что такое безумие могло совершиться. Мы поспешили домой и включили радио. Сомнений не было. Махатма Ганди был убит, когда шел на молитвенное собрание. Это произошло в пять часов вечера. Убийцей был Натхурам Годзе, брамин из Пуны. Убийцу тут же схватили. Подоспевший офицер едва спас его от самосуда толпы. Ганди внесли в комнату. Он был без сознания и вскоре, не приходя в себя, умер.

Вся страна погрузилась в траур. В тот вечер в миллионах домов индийцев не готовили пищу, не садились за стол.

Народ оплакивал безвременную смерть своего вождя.

Убийство Ганди было результатом тщательно подготовленного заговора. Потребовалось почти пять месяцев, чтобы завершить расследование.

Открытый судебный процесс начался в Дели 22 июня 1948 года под председательством Атма Чарана.

Перед судом предстало восемь преступников: Натхурам Годзе, 37 лет, редактор газеты «Хинду раштра» издательства «Пракашам лтд» в Пуне; его брат Гопал Годзе, 27 лет, кладовщик на военных складах в Пуне; Нараян Апте, 34 лет, заместитель главного редактора газеты «Хинду раштра» в Пуне; Вишну Каркаре, 37 лет, владелец ресторана в Ахмеднагаре; Маданлал Пахва, 20 лет, беженец из Пакистана; Шанкар Кистайя, 27 лет, слуга из Пуны; Даттатрия Парчуре, 47 лет, врач с частной практи-

кой из Гвалиора; Винаяк Саваркар¹ 65 лет, адвокат, владелец недвижимости в Бомбее.

Трое других — Гангадхар Дандвати, Гангадхар Ядав и Сурьядео Шарма были объявлены скрывающимися, и их дело разбиралось заочно.

Наиболее важные улики содержались в заявлении Дигамбара Баджа. Он был одним из заговорщиков, принимал активное участие в разработке плана убийства. 31 января, то есть через день после убийства Ганди, его арестовали и подвергли обычным методам полицейского допроса. Вскоре он признал себя виновным и выдал своих сообщников. Еще через некоторое время он выразил готовность выступить перед судом как свидетель обвинения. В итоге он был условно помилован.

Заслушивание свидетелей и запись их показаний закончились 6 ноября. Саваркар был оправдан, двоим — Натхураму Годзе и его другу Апте — был вынесен смертный приговор, остальные пять — приговорены к пожизненному заключению.

Четыре дня спустя пенджабскому Верховному суду были представлены апелляции от имени всех семи осужденных. Годзе не опротестовал обвинение в убийстве, не опротестовал он также и правильность смертного приговора, вынесенного ему. Он отрицал существование заговора. Для заслушивания апелляции Годзе и его сообщников создали суд, состоящий из трех судей. Ими были Бхандари, Ачхрирам и я.

Пенджабский Верховный суд в то время находился в Симле.

Правительство Индии предоставило в наше распоряжение Петергоф, большое поместье, прежде служившее летней резиденцией вице-короля.

Я не стану останавливаться на юридических подробностях, в них мало интересного для читателя, и едва ли они заслуживают внимания. Однако прежде чем описать, как сложился заговор и как заговорщики осуществили свой замысел, считаю необходимым рассказать кратко биографию обвиняемых.

Натхурам Годзе и Гопал Годзе были сыновьями сельского почтмейстера, у которого было четверо сыновей и две дочери. Натхурам — второй ребенок в семье — не был прилежным учеником. Он бросил учебу, не закончив средней школы. Жажда наживы толкает его в коммерцию. Он открывает небольшое «дело» по торговле одеждой, но оно оказывается убыточным. Тогда он становится совладельцем пошивочной мастерской. В 22 года Натхурам Годзе вступил в «Раштрия сваямсевак сангх». Несколько лет спустя переехал в Пуну и стал секретарем местного отделения «Хинду махасабха». Он принимает участие в кампании гражданского неповиновения индусов в Хайдарабаде, вызванной притеснениями мусульманской верхушки. Натхурам был арестован и осужден.

Теперь он оказался глубоко вовлеченным в индустское движение. В Пуне он встретился с Апте, который в то время работал школьным учителем, и вдвоем они основали газету «Агарни». Позже название было изменено на «Хинду раштра» («Индусская нация». — **Ред.**). Годзе не одобрял политику Махатмы Ганди в отношении мусульман. Он называл ее политикой потакания мусульманам. Резко критиковал всякую попытку пойти навстречу мусульман-

ской лиге, требовавшей создания Пакистана. Он возмущался визитом Ганди к Джинне — лидеру этой лиги, его дружбой с Сухраварди, мусульманским лидером из Бенгалии. Когда содержание газеты Годзе приобрело опасный для общественного спокойствия характер, его залог (он вносится издателями газет как гарантия благонадежности) был ликвидирован. От Годзе потребовали новый залог, который собрали сторонники «Хинду махасабха».

Его младший брат, Гопал Годзе, не был таким страстным поборником индуизма. Сдав экзамены на аттестат зрелости, Гопал поступил работать в мастерскую к брату. Проработав некоторое время в «Хинду махасабха», он вступил в армию как вольнонаемный и был назначен кладовщиком на транспортном складе в Кирки, воинской станции около Пуны. Речи Саваркара против раздела Индии произвели на него огромное впечатление, и вскоре он стал сторонником насилия.

Нараян Даттатрия Апте вышел из брахманской семьи среднего достатка. Получив степень бакалавра наук, он стал школьным учителем в Ахмеднагаре. Там он основал стрелковый клуб и вступил в «Хинду раштра дал» (индусский националистический военизированный отряд. — **Ред.**). В этот период он встречается Натхурама Годзе, и они становятся друзьями. В 1943 году он начал службу в ВВС и получил офицерское звание. В 1944 году он стал помогать Годзе издавать газету.

У Вишну Рамкришана Каркаре было тяжелое детство и юность. Родители были не в состоянии воспитывать его и отдали в сиротский дом. Он бежал оттуда, жил случайными заработками в гостиницах и ресторанах, много ездил с труппой бродячих актеров и позже, скопив немного денег, открыл ресторан в Ахмеднагаре. Он стал активным членом «Хинду махасабха» и был избран секретарем отделения в дистрикте. В это время Каркаре знакомится с Апте. С его помощью Каркаре успешно выступил на выборах в муниципалитет Ахмеднагара. В 1946 году он вместе с группой махасабхистов отправился в Наокхали, чтобы помочь жертвам мусульманских погромов. Он пробыл там три месяца и по возвращении распространял слухи о насилиях, якобы чинимых мусульманами над индусскими женщинами.

Маданлал Пахва, пенджабский индус из Пакпатана (после раздела отошел к Пакистану), владелец протехнической мастерской. Когда в 1947 году начались погромы, он эвакуировался в Ферозпур. На его глазах фанатичная толпа мусульман убила отца и тетку. Долгое время он скитался в безуспешных попытках найти работу, и это еще больше ожесточило его. В декабре 1947 года он встретился с Апте и Годзе и по их поручению стал организовывать и проводить демонстрации беженцев против правительства, обвиняя его в черствости и равнодушии к индусам, ставшим жертвой раздела.

Шанкар Кистайя был сыном деревенского плотника. Он нигде не учился и потому остался неграмотным. После долгого периода, когда он перебивался случайными заработками, он отправился в Пуна и устроился на работу в лавке. Здесь он познакомился с Баджей, который имел предприятие по производству кинжалов и ножей. Он также тайно производил взрывчатку и боеприпасы. Баджа нанял Кистайю домашним слугой за 30 рупий в месяц. Постепенно Кистайя вошел в доверие к хозяину и стал его агентом по переправке контрабандного

¹ Винаяк Саваркар — идеолог индусского религиозно-общинного движения, бывший президент «Хинду махасабха». — **Прим. ред.**